

вать детей и писать: о людях, о жизни, о природе, о любви. Но когда Родина позвала его, он стал военным. Тогда, в сороковом, он еще не знал, что через три года после того письма к сестре напишет своей любимой: «...с очередным присвоением звания мне придется командовать подразделением. И может быть, пострадает учиться, чтобы потом стать более знающим командиром...»

Два года пробыл В. Калачев на фронте. Эти годы стали для него школой духовного и физического возмужания, благодаря которой он от слов «чувствую себя невоенным человеком» пришел к горячему признанию в желании стать «более знающим командиром». Он начал войну рядовым солдатом, а на втором ее году был уже старшим лейтенантом. Он награжден медалью «За отвагу», за личную храбрость ему вручены именные часы. Это, так сказать, внешние факты его биографии, а о том, что

тил, что на шинели три дырки — пулями прострелили...»

Владимиру довелось испытать все, что полагается испытать бойцу на переднем крае. Был он не раз под артобстрелом и под бомбежкой: «...и лейтенант попал под минометный обстрел... заняли воронки, вырытые снарядами... А разрывы ложатся вокруг, нас засыпает землей, мелкие горячие осколки летят...»; лицом к лицу сталкивался с врагом: «...в одной из схваток я близко сошелся с унтером немецким...»; видел смерть боевых друзей: «...в бою смертельно ранен молодой командир. Красивый и любимый далекой девушкой. И в предсмертную минуту, я слышал, он звал ее...»

Судя по этим строчкам, служба В. Калачева была полна опасностей и трудностей, но ему все казалось, что он мало делает для победы, он завидовал тем, кто находился на переднем крае.

«Только что вернулся из поезд-

Герои его стихов фронтового периода — это те, с кем он укрывался одной шинелью, лежал под бомбежкой, ходил в атаку. Не имея возможности цитировать здесь эти стихотворения, я только приведу некоторые их названия: «Автоматчик», «Разведчик», «Знамя», «На привале», «Песня о командире», «Боец», «Перед атакой», «У неизвестной могилы», «Коммунист». Поэт умел найти такие слова и образы, которые, подкупая своей простотой и лиричностью, были глубоко правдивы и, несмотря на суровость обстановки, в которой они создавались (под Ленинградом в дни его блокады), очень оптимистичны. Вот стихи о любимой:

**«Конверт в пыли, и почтальон в пыли.
И счастью этому еще не верю.
Как будто жизнь вторую
принесли
С твоим письмом на нашу
батарею».**

**О Родине:
«По всем путям пройди
с боями,
Я разлюбить никак не мог
Облитый кровью и слезами
России каждый уголок».
О ненависти к врагу:
«Упал и встал без автомата.
Но выход есть: остатком сил
Боец фашистского солдата
В бою руками задушил».
О подвиге:
«Их было всего восемнадцать,
И в этом неравенстве сил,
Чтоб сквозь окружение
прорваться,
Шесть раз он в атаку ходил».**

Стихи В. Калачева публиковались в армейской газете, они получили признание у его товарищей. И хочется думать, что они станут еще достоянием нынешнего массового читателя. Правда, нельзя не сказать о том, что письма и стихи фронтовика уже давно нашли своего читателя среди близких ему людей. Когда я беседовал с Софьей Петровной Стубеда (помните: «милая Соня...»), она сказала, что письма читала Наташа — ее племянница — и пояснила это так:

— Девочка в институт не поступила, сильно расстроена была. Я и дала ей Володины письма почитать, чтобы духом не падала.

Не без влияния писем Владимира Елена Калачева закончила учительский институт, а младший его брат Николай стал офицером. Дочь Елены Степановны — Людмила с детства воспитывалась на письмах своего дяди, тоже писала стихи.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ письма с войны бережно хранились у близких В. Калачева. Сегодня с отрывками из них знакомятся читатели газеты. Чем дальше уходят в прошлое военные годы, тем величественнее и ярче встает перед нами подвиг фронтовиков. И письма, которые остались от них, перестают быть частной перепиской, каждая их страничка становится важным человеческим документом, приобретает неопределимое значение для общества.

Давайте все мы еще раз перечитаем письма с войны. Не только из уважения к памяти павших, не только затем, чтобы вновь поразились мужеству фронтовиков, но и для того, чтобы перед лицом их подвига еще раз проверить свою готовность в трудную для Родины минуту оказаться такими же беззаветно храбрыми и самоотверженными, какими были они. Умно и дальновидно поступают те, кто достает фронтовые письма из семейных архивов, дает прочесть их детям и не только своим, несет пожелтевшие от времени листки в музеи, посылает их в редакции газет, как сделала это Елена Степановна Калачева.

Капитан Р. МАКУШИН.

На снимке: старший лейтенант В. КАЛАЧЕВ (фото 1943 г.).

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

ЭТИ ПИСЬМА я читал в дороге. Когда вагон встряхивало на стыках рельсов, торопливые строчки, и без того размытые временем, вовсе теряли четкость. Однако вскоре я привык к неровному ходу поезда, и ничто уже не мешало мне от строки к строке, от письма к письму, от стихотворения к стихотворению мысленно идти дорогами войны, которыми почти тридцать лет назад прошел Владимир Калачев. Старший лейтенант Калачев — командир роты, боец и поэт.

Неяркая лампочка под потолком вагона, неловко повисшая на крючке шинель, тихий голос старушки, рассказывающей всем желающим слушать, что сын ее, солдат, уже полтора года, как дома не был, но служит исправно, а она, мать, очень уж по нему соскучилась и вот едет навестить, — все это странным образом переплеталось, смешивалось с тем, что я читал в письмах, и временами совсем уж неясно становилось, что здесь из писем, а что — из этого нынешнего кусочка жизни, которой живет плакатный вагон пассажирского поезда Череповец—Москва. Только одно было совершенно реально: невидимая лежала за окнами вагона русская земля, которую воспедал в стихах Владимир Калачев и за которую он отдал жизнь...

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, Владимир уже носил военную форму: осенью 41-го истек срок его солдатской службы. Но дома ему удалось побывать только в конце 1942 года, да и то побывка оказалась очень короткой. На следующий после приезда день он начал укладывать вещмешок, а когда мать горестно ахнула: как же так, сыночек, тебе же три дня дали — он коротко ответил:

— Нельзя, мама. Война...

Он не вернулся сюда, в маленький дом на окраине Череповца, в котором уже тридцать лет смотрит со стены фотография серьезного юноши, каким он остался в памяти сестер Елены и Лидии, и той, кого в своих письмах с войны он называл «милая Соня».

В одном из писем к сестре Елене еще в 1940 году Владимир писал: «В военную школу не пойду, ибо чувствую себя невоенным человеком». Что ж, он видел свое назначение в другом. Учитель по профессии и по призванию, человек лирического склада души, он мечтал после службы в армии вернуться в сельскую школу, воспитывать

стоит за ними, рассказывают его фронтовые письма. Написаны они в разное время, и я привожу выдержки из них в хронологической последовательности:

«И вот я готов к отъезду. Совсем готов прямо в бой. Мужества у меня хватит, хватит и ненависти».

«Защищаю Ленинград. Хотят мне присвоить звание лейтенанта...»

«Небольшая новость: красноармейцу Калачеву присвоено лейтенантское звание. Кроме того, я вступаю в партию».

Некоторое время назад, разыскивая документы и материалы, из которых можно было бы извлечь более подробные данные о боевой биографии Владимира, я выяснил, что комсомолец Калачев так и не успел стать членом Коммунистической партии. Он вообще многого не успел в своей жизни. Не успел вернуться к любимой. Не дописал стихов. Не увидел алого полотнища над поверженным рейхстагом. Но свой вклад в общую победу над врагом он успел внести. Он погиб во имя того, чтобы те, кто сегодня молод, писали стихи и любили, строили и охраняли то, что отстояли в кровавых боях солдаты Великой Отечественной...

«Я не кончал никаких училищ, а звание дали мне за отличную службу в действующей армии. Что ж: «Служу Советскому Союзу!»

«Кроме моей работы, что я исполняю, я еще занимаюсь: свой столик в палатке уложу уставами, наставлениями и т. д. То есть занят теоретической подготовкой, а практика — на передовой».

О том, какую практику проходил здесь Владимир, он пишет немного и чаще говорит не о себе, а о своих товарищах. Тем не менее по его письмам можно составить представление и о нем самом как о человеке мужественном и отважном.

«Недавно я был в одной из своих поездок. С группой товарищей попал в передельку. Один товарищ и я оказались отрезанными от своих. Когда сошлись в стыки, я так увлекся своим врагом, что не заметил, как наперерез мне бежали два других. Одного из них уложил наповал мой товарищ, а второй... бежит на меня, в руках винтовка со штыком. Подбежал ко мне, замешкался и остановился, видно, решил, что мой пистолет без патронов... Я выстрелом уложил его. А когда мы заняли местечко, я стал умываться из ручейка и заме-

ки. Был на слете истребителей фашистов... у бойцов-истребителей можно поучиться!.. если пойду командовать подразделением, то обязательно буду охотиться со снайперской винтовкой...»

Он настойчиво готовил себя к командирской должности.

«Большую часть (свободного) времени сейчас я трачу на самоподготовку. жадно прочитываю свежие газеты (особенно «Красную звезду») и современные военные журналы, потом различные наставления и т. д.»

В. Калачев добился своего: стал командиром роты и попал на передовую. Пробыл он здесь не более трех месяцев. Писем этого периода его жизни не сохранилось, но такой вывод можно сделать на том основании, что 2 апреля 1943 года «Красная звезда» писала о нем еще как о боевом адъютанте, а в последний раз он велел свою роту в атаку 25 июля...

«О тех, кто падет в борьбе, следует написать хорошую книгу... Это — дело будущего». Слова эти — тоже из письма В. Калачева. Он не вернулся с войны, но это письмо дошло до потомков, и слова его о будущем дошли, и книга, о которой он говорил, пишется вот уже тридцать лет. Книга великого подвига народного. Книга о тех, кто пал в борьбе. Владимир Калачев не дождал двух лет до нашей победы. Но и тогда, в 43-м, он знал, что она будет, он верил, что люди не забудут тех, кто завоевывал эту победу. Люди не забыли. Никого и ничего. И Владимира Калачева тоже. Его фронтовые письма и его стихи — одна из страниц книги о подвиге фронтовиков.

ВПРОЧЕМ, СТИХИ В. КАЛАЧЕВА — это тема для особого разговора. Ленинградский поэт Всеволод Рождественский, с которым Калачев познакомился на фронте, писал в 1959 году ныне покойной матери Владимира — Надежде Феофановне: «...сын Ваш, безусловно, был человеком литературно одаренным... Он только начинал свою творческую дорогу и не успел еще приобрести нужные для этого трудного дела знания и опыт, но и по тому, что осталось от него, можно заключить о его несомненных способностях». Высокого мнения о стихах В. Калачева был и поэт Александр Прокофьев. Сохранилась часть переписки Владимира с этими людьми, а также письма к нему Николая Асеева и некоторых других поэтов, писателей, критиков.